

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

ДЬЮМА-КИ

Издательство АСТ
Москва

Посвящается Барбаре-Энн и Джимми

Воспоминания... это внутренний слух.

Джордж Сантаяна*

* Сантаяна Джордж (1863—1952) — классик американской философии, литератор. — *Здесь и далее примеч. пер.*

*Жизнь — не только любовь и услада,
Я бросаюсь на поиски клада:
Ты в игре, еслиставишь монету на кон —
Знаешь сам, так пошло от начала времен,
Все мы мечемся в поисках клада.**

«Shark Puppy»**

* Перевод Ольги Кромоновой.

** «Shark Puppy» — музыкальный дуэт в составе Ричарда Тозиера и Уильяма Денбро, известных Постоянному Читателю по роману Стивена Кинга «Оно».

Как рисовать картину (1)

Начните с чистой поверхности. Не обязательно с бумаги или холста, но я чувствую, что поверхность должна быть белой. Мы называем ее белой, потому что нам нужно какое-то определение, но настоящее имя этой поверхности — ничто. Черное — это отсутствие света, белое — это отсутствие памяти, цвет забытья.

Как мы запоминаем, чтобы не забывать? Этот вопрос после приезда на Дьюма-Ки я задаю себе постоянно, особенно часто в предрассветные часы, глядя в отсутствующий свет, вспоминая отсутствующих друзей. Иногда в эти часы я думаю о горизонте. С горизонтом вы должны определиться. Для этого нужно оставить след на белом. Возможно, вы скажете, что это простое действие, но каждое действие, которое изменяет мир, — героическое. Или я просто убедил себя в этом.

Представьте себе маленькую девочку, почти младенца. Она выпала из возка лет девяносто тому назад, ударилась головой о камень и все забыла. Не только свое имя — все! А потом вдруг пришел день, когда она вспомнила ровно столько, чтобы взять в руку карандаш и прочертить первую неуверенную линию на белом. Линию горизонта, именно так. Но при этом и щель, через которую может исторгаться чернота.

Представьте себе, как маленькая ручка поднимает карандаш... замирает... а потом оставляет след на белом. Представьте себе смелость этого первого усилия: вернуть мир, рисуя его. Я всегда буду любить эту маленькую девочку, несмотря на то, что обошла она мне очень дорого. Я должен. У меня нет выбора.

Как вам известно, картины — это магия.

Глава 1

МОЯ ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ

i

Меня зовут Эдгар Фримантл. Раньше я был заметной фигурой в строительной индустрии. В Миннесоте, в моей прошлой жизни. Выражение моя-прошлая-жизнь я позаимствовал у Уайрмана. Я хочу рассказать вам об Уайрмане, но сначала давайте познакомимся с моей жизнью в Миннесоте.

Должен сказать, я добился успеха, о котором мечтает каждый американский мальчик. Поднимался и поднимался в компании, где начал работать, а когда достиг потолка, ушел и основал собственную фирму. Мой бывший босс смеялся надо мной, говорил, что я разорюсь через год. Я думаю, так говорит большинство боссов, когда кто-нибудь из молодых, энергичных подчиненных уходит, чтобы начать собственное дело.

У меня все получилось. Когда Двойной город* процветал, процветала и «Фримантл компани». Когда строительный рынок сокращался, я старался не играть по-крупному. Руководствовался интуицией, и в большинстве случаев она меня не подводила. Когда мне исполнилось пятьдесят, мы с Пэм стоили сорок миллионов долларов. И мы сохранили прежние чувства. У нас родились две девочки. К концу нашего семейного Золотого века Илзе училась в Университете Брауна**, а Мелинда преподавала

* Двойной город — Миннеаполис и Сент-Пол.

** Университет Брауна — частный университет в г. Провиденс, штат Род-Айленд.

во Франции в рамках программы обмена с зарубежными странами. Как раз перед тем, как все пошло наперекосяк, мы с женой собирались ее навестить.

Несчастный случай произошел со мной на строительной площадке. Все предельно просто: когда пикап, пусть даже это «додж-рэм» со всеми наворотами, вступает в спор с двенадцатиэтажным краном, пикап проигрывает всегда. Правая сторона моего черепа только треснула. Левую так сильно прижало к дверной стойке «рэма», что проломило в трех местах. Может, и в пяти. Память у меня теперь, конечно, лучше, но совсем не та, какой была прежде.

Врачи назвали случившееся с моей головой противоударной травмой*, которая зачастую приносит больше вреда, чем сам удар. Мои ребра оказались переломанными, а правое бедро — раздробленным. И хотя в правом глазу зрение сохранилось на семьдесят процентов (в хорошие дни и побольше), я почти целиком потерял правую руку.

Вероятно, предполагалось, что я потеряю и жизнь, но я выкарабкался. Далее речь пошла о том, что я останусь безмозглым (как поначалу и было — спасибо противоударной травме), однако обошлось. В каком-то смысле. Правда, к тому времени, как обошлось, ушла моя жена, и не в каком-то смысле, а насовсем. Мы прожили вместе двадцать пять лет, но знаете, как говорят: беда не приходит одна. Наверное, значения это не имеет. Что было, то прошло. Закончилось, и все. Иной раз оно и к лучшему.

Когда я говорю, что стал безмозглым, речь о том, что поначалу я не узнавал людей, не понимал, что произошло и почему меня мучает такая ужасная боль. Теперь, через четыре года, я не могу вспомнить характер и степень болевых ощущений. Я знаю, боль терзала меня, но теперь эта тема представляет собой интерес чисто теоретический. Тогда, конечно, было не до теории. Тогда у меня складывалось ощущение, что я нахожусь в аду и не знаю, почему туда попал.

* Противоударная травма — зона повреждения головного мозга, расположенная на стороне, противоположной месту удара. Травма возникает при контакте мозга с внутренней поверхностью черепа.

«Поначалу ты боишься умереть, потом ты боишься не умереть». Так говорит Уайрман, и он знает; сам провел сезон в аду.

Болело все и всегда. Возможно, больше всего досаждала звенящая головная боль. За моим лбом царила вечная полночь, которую отбивали самые большие на свете башенные часы. Из-за повреждения правого глаза я видел мир сквозь кровавую пленку и все еще мало представлял себе, что это за мир. Ни одна вещь не обрела привычного названия. Я помню день, когда Пэм зашла в палату (я еще лежал в больнице) и встала у моей кровати. Я ужасно злился из-за того, что она стоит, когда в углу есть та штуковина, на которую садятся.

— Принеси друга, — сказал я. — Сядь в друга.

— О чем ты, Эдгар? — спросила она.

— *Друг, приятель!* — прокричал я. — Принеси этого гребаного приятеля, ты, тупая сука! — Боль в голове сводила с ума, а Пэм заплакала. Я ненавижу ее за то, что она начала плакать. Чего, собственно, она плакала? Не она же сидела в клетке, глядя на все сквозь красный туман. Не она была обезьяной в клетке. И тут я наконец вспомнил слово:

— Принеси старика и, ради Бога, сляг!

Старик — это все, что мой воспаленный, разможенный мозг смог предложить вместо стула.

Я все время злился. В больнице работали две медсестры средних лет, которых я прозвал Сухая дырка Один и Сухая дырка Два, словно они были персонажами в похабной истории доктора Сьюза*. А девушка-подросток, которая добровольно помогала медперсоналу больницы, стала у меня Мохнатой Пастилкой... понятия не имею почему, но прозвище несло в себе что-то связанное с сексом. Во всяком случае, для меня. По мере того как прибавлялось сил, я начал бить людей. Дважды пытался пырнуть ножом Пэм, и одна попытка удалась, правда, нож был пластмассовый. Тем не менее ей на руку наложили пару швов. Бывали случаи, когда меня приходилось связывать.

* Доктор Сьюз — псевдоним американского писателя и мультипликатора Теодора Сьюза Гейзела (Theodor Seuss Geisel), 1904—1991. Аллюзия на персонажей одной из самых известных сказок доктора Сьюза «Кот в шляпе» (1957), Нечто Один и Нечто Два.

И вот что я особенно четко помню о начале моей тогдашней жизни: жаркая вторая половина дня в конце моего месячного пребывания в дорогом санатории для выздоравливающих, кондиционер сломан, я привязан к кровати, в телевизоре — мыльная опера, тысячи полуночных колоколов бьют в голове, боль жжет правую половину тела, как раскаленная кочерга, отсутствующая правая рука зудит, отсутствующие пальцы правой руки дергаются, оксиконтин мне не положено еще какое-то время (какое именно, сказать не могу, отмерять время — выше моего понимания), и тут из красного марева выплывает медсестра, существо, присланное, чтобы взглянуть на обезьяну в клетке, и спрашивает: «Вы готовы принять вашу жену?» А я отвечаю: «Только если она принесла пистолет, чтобы застрелить меня».

Кажется, такая боль никогда не уйдет, но она уходит. Меня отвозят домой и заменяют боль агонией лечебной физкультуры. Красная пелена начала рассеиваться. Психотерапевт, специализирующийся на гипнотерапии, научил меня несколькими эффективными способам подавлять фантомные боли и зуд в отрезанной руке. Кеймен. Именно он принес мне Ребу, одну из немногих вещей, которые я взял с собой, когда прихромал из прошлой жизни в нынешнюю, на Дьюма-Ки.

— Этот психотерапевтический метод воздействия на злость пока не получил одобрения, — предупредил меня доктор Кеймен, хотя, наверное, мог и солгать, чтобы сделать Ребу более привлекательной. Он сказал мне, что я должен дать ей отвратительное имя. И хотя выглядела она, как Люси Рикардо*, я назвал ее в честь тетушки, которая в детстве больно сдавливала мне пальцы, если я не съедал всю морковку. Не прошло и двух дней, как я забыл ее имя. В голову лезли только мужские имена, которые злили меня еще сильнее: Рэндолл, Рассел, Рудольф, даже Ривер-мать-его-Феникс.

Я тогда находился дома. Пэм принесла мне завтрак и, должно быть, правильно прочитала выражение моего лица, потому что я увидел, как она напряглась, готовясь к взрыву эмоций. Но

* Люси Рикардо — героиня сериала «Я люблю Люси», блистательно сыгранная актрисой Люсиль Болл (1911—1989), которую считали «Королевой комедии».

даже забыв имя этой призванной снимать злость куклы с взбитыми рыжими волосами, которую дал мне психолог, я помнил, как использовать ее в такой ситуации.

— Пэм, — обратился я к жене, — мне нужно пять минут, чтобы взять себя в руки. Я могу это сделать.

— Ты уверен?..

— Да, только унеси отсюда это дерьмо и засунь в свою пудреницу. Я могу это сделать.

Я не знал, смогу или нет, но именно это мне полагалось сказать: «Я могу это сделать». Я не мог вспомнить имени этой гребаной куклы, но помнил ключевую фразу: «Я могу это сделать». Я хорошо помню, как в конце своей прежней жизни постоянно твердил: «Я могу это сделать», — даже когда знал, что не могу, когда знал, что я в дерьме, по уши в дерьме, и новое дерьмо льется мне на голову, будто из помойного ведра.

— Я могу это сделать, — повторил я, и одному Богу известно, каким при этом было мое лицо, потому что Пэм попятилась, без единого слова, держа в руках поднос, на котором чашка постукивала о тарелку.

Когда она ушла, я поднял куклу на уровень лица, всматриваясь в ее глупые синие глаза, а мои пальцы вдавливались в глупое податливое тело.

— Как твое имя, ты, сука с крысиной мордой? — прокричал я. Мне ни разу и в голову не пришло, что Пэм слушает меня на кухне по аппарату внутренней связи вместе с дежурной медсестрой. Но вот что я вам скажу: если бы аппарат и сломался, они смогли бы услышать меня через дверь. В тот день мой голос разносился далеко.

Я принялся трясти куклу из стороны в сторону. Голова моталась, синтетические а-ля «Я люблю Люси» волосы летали из стороны в сторону. Синие кукольные глаза, казалось, говорили: «О-о-о-о-х, какой противный парниша!» — как любила повторять Бетти Буп* в одном из старых мультфильмов, которые еще можно увидеть по кабельному телевидению.

* Бетти Буп — персонаж короткометражных мультфильмов 1920—1930 гг., кокетливая дамочка с огромными удивленными глазами и некоторым беспорядком в туалете. Стала первым мультяшным персонажем, запрещенным цензурой.

— Как твое имя, сука? Как твое имя, манда? Как твое имя, жалкая тряпичная шляха? Скажи мне свое имя! Скажи мне свое имя! *Скажи мне свое имя, или я вырву тебе глаза, откушу нос, раздери тво...*

В голове у меня что-то замкнуло — такое иногда случается и теперь, по прошествии четырех лет, здесь, в городе Тамасунчале (штат Сан-Луис Потоси, Мексика), в третьей жизни Эдгара Фримантла. На мгновение я вернулся в свой пикап, планшет с зажимом для бумаг колотился о старый стальной контейнер для ленча на полу перед пассажирским сиденьем (сомневаюсь, что я был единственным работающим миллионером Америки, который возил с собой ленч, — нас, вероятно, не один десяток), мой пауэрбук лежал рядом на сиденье. Из радио женский голос с евангелическим жаром прокричал: «Оно было **КРАСНЫМ!**» Только три слова, но мне их хватило. Они из песни о бедной женщине, которая наряжает свою красивую дочь проституткой. Песня эта — «Фэнси» в исполнении Ребы Макинтайр*.

— Реба. — Я прижал куклу к груди. — Ты — Реба. Реба-Реба-Реба. Больше я твоего имени не забуду.

Я забыл — на следующей неделе, — но в тот раз уже не злился. Нет, прижал куклу к себе, как маленькую возлюбленную, закрыл глаза, представил пикап, уничтоженный в результате несчастного случая, мой стальной контейнер для ленча, о который постукивал металлический зажим на планшете, и женский голос вновь донесся из радиоприемника, вновь с евангелическим жаром прокричал: «Оно было **КРАСНЫМ!**»

Доктор Кеймен назвал это прорывом. Он очень обрадовался. Моя жена не проявила такого же энтузиазма, и ее поцелуй в щеку был скорее формальным. Думаю, примерно через два месяца она сказала мне, что хочет развестись.

ii

К тому времени боли значительно ослабели, или мозг уже сумел внести существенные коррективы и приспособиться к ним. Голова, случалось, болела, но не так часто и не столь силь-

* Макинтайр Реба (р. 1955) — известная американская певица и актриса. Чудом осталась жива при аварийной посадке самолета.

но: между ушами больше не били самые большие в мире башенные часы. Я, конечно, с нетерпением ждал таблетку викодина в пять и оксиконтин в восемь часов (едва мог ходить, опираясь на ярко-красную «канадку»*, не проглотив эти волшебные таблетки), но мое слепленное заново правое бедро начало заживать.

Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, приходила в Casa Freemantle** в Мендота-Хайтс по понедельникам, средам и пятницам. Мне разрешали принять дополнительную таблетку викодина перед нашими занятиями, и все равно к концу упражнений мои крики звенели по всему дому. Нашу игровую комнату в подвале переоборудовали в кабинет лечебной физкультуры, оснащенный даже горячей ванной, куда я мог залезать и вылезать без посторонней помощи. После двух месяцев занятий лечебной физкультурой (то есть почти через шесть месяцев после несчастного случая) я начал по вечерам самостоятельно спускаться в подвал, чтобы повторить упражнения для ног и немного потренировать пресс. Кэти говорила, что час-другой занятий перед тем, как лечь в кровать, высвобождают эндорфины и способствуют более крепкому сну. Насчет эндорфинов не знаю, но спать я действительно стал лучше.

И во время одного из таких вот вечерних занятий (Эдгар в поисках неуловимых эндорфинов) моя жена, с которой я прожил двадцать пять лет, спустилась в подвал и сказала, что хочет со мной развестись.

Я прервал то, что делал (сгибался вперед, вытянув ноги перед собой), и посмотрел на нее. Я сидел на мате. Она стояла у подножия лестницы, достаточно далеко от меня. Я мог спросить, говорит ли она всерьез, но света хватало (спасибо флуоресцентным лампам), и такого вопроса я не задал. Если на то пошло, не думаю, что женщина может пошутить на такую тему через шесть месяцев после того, как ее муж чуть не погиб в результате несчастного случая. Я мог бы спросить почему, но и так знал. Видел маленький белый шрам на ее предплечье в том месте, куда я ударил пластиковым ножом (нож я схватил с подноса, на котором в больнице мне принесли обед), но ведь этим дело не

* «Канадка» — локтевой костыль.

** Дом Фримантла (*исп.*).